

17/17

ЛЕОН ЛАНЧЕВСКИ

18+

Леон Ланчевски

Семнадцать дробь семнадцать

«Автор»

2026

Ланчевски Л.

Семнадцать дробь семнадцать / Л. Ланчевски — «Автор», 2026

В Смоленске есть люди, которые работают ночью. Их называют Ночными. Они не пьют, не воруют, не спят по восемь часов. Они умирают от интоксикации — это статистика. Никто не задаёт вопросов. Потому что они удобны. Даша Кот — одна из них. Фельдшер ночной скорой. У неё «утиные» губы. В подростковом возрасте сделала операцию, чтобы быть красивой. Не вышло. Поэтому работает ночью — там никому не до её лица. Роман о том, что система не злая, а просто равнодушная. Профессиональная солидарность — это не братство, а способ выживания. А любовь между разными классами совсем не сказка. Про людей и не совсем, что живут в настоящем аду. Не верят, что из него есть выход. И всё равно идут на смену. «Ночная служба. Двадцать четвертый. Говорите, что у вас случилось?»

© Ланчевски Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. НОЧНАЯ СЛУЖБА. БАЗА.	8
Глава 2. БАЗА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леон Ланчевски

Семнадцать дробь семнадцать

ПРОЛОГ

Остро пахло кровью. Уже в подъезде. В этом шикарном образце новых веяний архитектуры жилищного хозяйства. Скандинавский стиль, стеклянные перекрытия этажей, несуразная лестница, поднимающаяся куда-то ввысь. Зеркальный вместительный лифт со странными, глубокими зеркалами. Все это провоняло кровью. И потом. Кто не понимал, тот и не понял бы. Но Даки хорошо знала этот запах.

В наушнике щелкнуло.

— Двадцать четыре, статус? — голос диспетчера Ольги Орловой звучал ровно и равнодушно.

— Поднялась. Работаю, — отрапортовала Даша.

Во дворе заросли сирени у крепостной стены душили воздух. В подъезде к этому аромату примешивался дорогой парфюм и холодные нотки эксклюзивного кондиционера. Даша нажала кнопку звонка. Дверь открылась мгновенно.

На пороге стоял парень в заляпаной кровью футболке. Бледный. Аристократичные скулы, дорогие домашние брюки, закрывающие стопы. Даша сразу заметила, что он на грани. Ночные в стрессе пахли иначе. Чуть острее. Как озон перед грозой.

— Где он? — Даша уже шла впереди него по квартире, не разуваясь. Не до того.

— В ванной.

Заметался перед ней. Отодвинула его со своего пути, прошла внутрь. Суетится. Страшно ему. Рустам остался у машины. Стас на площадке, у лифта. У этих тут поди и вертолет на крыше есть. Если что. Протокол для элитных ЖК: двое в подъезде, один во дворе. На всякий случай.

Элегантный санузел. Если бы не кровавые следы прямо к белой купели. Края захватаны бурыми отпечатками ладоней. Внутри, скорчившись в позе эмбриона, на боку лежал парень. Ночной. Губы синие, как и ногти. Кончики пальцев начали чернеть. Охо-хонюшки. Белоснежный махровый халат до пят пропитался кровью. И этот звук. Как тоненькой струйкой кровушка уходила в сток.

Даша опустила на колени. Вот тутшибанул запах. Ночная кровь не сворачивалась как человеческая. Сосуды зияют. Браконьер поработал. Без опыта совсем. Ткани регенерируют быстро, но без дополнительной помощи неправильно. Кровь лаковая. Блестит. Не останавливается. Он так и весь вытечет.

— Стас, кейс! — крикнула она.

Напарник вбежал, тяжело дыша.

Даки вскрыла ампулу. Специальный коагулянт для Ночных. Влила прямо в рану. Кровь начала густеть. Темнеть. Становиться вязкой, как смола. Журчание стало замедляться.

Она наложила давящую повязку. Руки двигались автоматически. Счет шел на минуты. Интоксикация у Ночных начиналась быстро, если теряли много крови. И назад дороги не было.

-- Где нашли умельца? — шевельнула бровью Даки в сторону хозяина квартиры, ломавшего руки в отчаянии.

-- Не знаю я! — крикнул тот и завис. Глаза широко открыты, из полукруглого рта ниточка слюны. — Кирушка с ним пришел. Сказал, все быстро. На раз два.

— Перепонки и хвост, — бросила Даки в микрофон. — Подпольный хирург. Сбежал, как услышал пациент затяжелел. Браконьер, по всему. Хозяин? Ща посмотрю, есть ли тут хозяин.

Передвинула микрофон, жалостливо глянула на глупого пацана. Пострадавшего теперь вытасят. А этому все. Судя по всему. Конец всем мечтам про карьеру и прочие их Ночные аристократические глупости. Пособничество. Если не организация.

-- А кто у нас родители? — поинтересовалась Даки, невзначай оглядываясь. Ну, тут они точно не бедствовали.

-- Папа в дипкорпусе. Мама там же при атташе.

У-у, милай! И папе твоему конец. Ну, если только в Антарктиду.

-- Слышь, -- не глядя на него спросила Даки, -- а вызов кто делал?

Парень мотнул головой на ванну в кровавых разводах.

-- Кира. Испугался. Очень. — и он заплакал.

Даки переглянулась со Стасом. Тот пожал плечами. Сама решай, мне-то что. Ну, а чего тут. Пацанчик бесхвостый уже. Кровушка уже все, остановлена. Чего еще и этого придурка зажратого топить. Пусть сами разбираются. Не в правилах Ночных вызовов свои порядки в богатеньких домах устанавливать.

-- Эй, -- позвала Даки. — Быстро собрал свои трусы. И беги. Тебя тут не было. Кирюшке своему ключи отдал. Думал он с девчонкой будет. Ферхштейн?

Ночной весь в соплях и слезах в ужасе глянул на нее.

-- А можно, так?

Даки усмехнулась. Сорвала промокшую от крови маску. Ночной увидел ее лицо, попятился.

-- Че встал, вон пошел! — рявкнул Стас, пряча ухмылку.

Ночной побежал. Остановился.

— Я Валентин, — пролепетал парень. Стоял в дверях, вцепившись в косяк. — Это Кирилл. Мой друг.

Даша подняла глаза. Посмотрела на его ноги. Брюки были длинными. Но она знала, что скрывается под тканью. Маленький аккуратный хвост. Перепонки между пальцами. Интимные зоны.

Он достал пачку купюр.

— Спасибо. Возьмите. Это вам.

Даша посмотрела на деньги. Потом в его лицо.

— Стас, выводи его. Пока я не передумала.

— Я понимаю, что нарушил... Я заплачу!

Даша встала. Содрала перчатки.

— Сикатись отсюда. И хвост береги. Свой.

Стас почти выволок его из квартиры. Даша собрала кейс. По протоколу она должна вызвать и дожидаться патруль. Задержать его как соучастника нелегальной ампутации. Но... хрен с ним. Может, хотя бы плюстик ей в карму. Хотя, вряд ли.

— Повезем его в стационар сами, — распорядилась она. — Вон, пальцы уже белые, а не черные. И губы не такие синие. Они быстро отходят. Наши бы при такой кровопотере еще неделю бы бултыхались. А этот завтра к обеду уже и побежит. Лишь бы не сдал нас, на радостях. Слышь, Кир! Ты же нас не сдашь? И дружка своего, святого Валентина, еттить твою налево, тоже?

Скоро приходящий в себя Ночной даже головой замотал. Мол, нет, тетенька, не сдам. Ну, ну. Поживем увидим.

Она вышла в подъезд. Стас подошел к ней боком, сунул в карман халата свернутую пачечку купюр. Не отказалась. Жить всем хочется. Даже ей. Иногда.

Надо было тащиться на базу. Дежурство уже заканчивалось. Теперь писать отчеты и передавать смену. И пожрать бы. Чего-нибудь.

Утро наступило незаметно. Белые ночи в мае стирали границу между вечером и рассветом.

Смоляне шли на работу. Школьники тащили рюкзаки. Дворники мели чего-то на этом безупречном покрытии во дворе.

Никто не знал, что в элитной квартире у крепостной стены чуть не умер юный Ночной. Просто от кровопотери. Хотел стать обычным. А его дружок нарушил закон. И чуть не загремел, под фанфары. Для города это была просто еще одна ночь.

А все, кто не дожили до утра -- статистика.

Глава 1. НОЧНАЯ СЛУЖБА. БАЗА.

— Ночная служба. Даки. Двадцать четыре. Что у вас случилось?

Девчонка несколько секунд молчала. Голос в телефоне сначала казался таким спокойным, что Даше стало страшно. Молчание на том конце провода всегда означало одно: человек уже на пределе. У него просто не осталось сил на истерику.

— Нам нужна помощь. Лев Ускоров. Ему плохо.

— Что именно происходит? Подробно.

— Очень холодный. Его трясёт. Кровь идёт из носа и из уха. Почти не отвечает.

Даша смотрела в стену диспетчерской. На побелку, покрытую мелкими трещинами.

— Возраст?

— Двадцать... почти двадцать один.

— В сознании?

Опять молчит. Ага, заговорила.

— Не знаю. Лев?

И он молчит. Не ответил.

— На голос не реагирует?

— Сейчас нет.

— Дышит?

— Да. Кажется.

— «Кажется» не надо. Смотри на грудную клетку. Поднимается?

— Да.

— Редко?

— Нет. Нормально.

— Хорошо. Судороги были?

— Нет.

— Потеря сознания была? До этого.

— Я не знаю. Он... сначала был в сознании. Потом ему стало резко хуже.

— Что делал перед этим?

Девчонка сглотнула. Даша слышала, как она сдвинула телефон.

— Воду.

— Что?

— Он работал с водой. Сильно. Очень.

На несколько секунд в трубке стало тихо. Даша закрыла глаза. Вспомнила протокол. Глубоководные адаптеры. Ночные с водно-холодовой мутацией. Они могли часами находиться в ледяной воде, замедляя метаболизм до уровня анабиоза. Но если они «перерабатывали», брали слишком много, их терморегуляция рушилась. Тело не могло вернуться к норме. Оно продолжало остывать. Изнутри.

— Температуру мерили? Есть термометр?

— Да. Электронный.

— Измерь. Только не буди его специально. И посмотри, продолжается ли кровотечение.

Грохнула телефон на что-то твердое. А теперь Даша слышала шорох ткани. Тяжёлое, рваное дыхание девушки.

— Кровь почти остановилась, — уточнила она.

— Хорошо. Не лезь туда больше. Ничем не заливай.

— Я уже хлоргексидином...

- Ничего страшного. Больше не надо. И ещё. Он что-нибудь пил?
 - Чай. Немного.
 - Когда?
 - Минут двадцать назад.
 - Глотает нормально?
 - До этого нормально.
 - Сейчас не проверяй. Если без сознания — ничего в рот не давай. Понятно?
 - Да.
- Градусник пискнул. Даша услышала, как у девушки перехватило дыхание.
- Тридцать пять и четыре.
 - Ясно.

Даки произнесла это совершенно буднично. Точно не услышала страшную цифру. Для Ночных с такой адаптацией тридцать пять и четыре было не просто гипотермией. Это была точка невозврата. Ещё полградуса вниз, и сердце встанет. Оно просто забудет, как биться. В тепле. Вот только этой зареванной девчонке не нужно этого знать. Совсем. Лишь бы она его не бросила. Одного. Иначе все. Статистическая единица.

- Одеяла оставь. Больше ничего.
 - Но он ледяной.
 - Я поняла. Поэтому и говорю: одеяла. Не батарея, не горячая ванна, не грелка. Резко греть не надо. Сосуды лопнут. Поняла?
 - Поняла.
 - Алкоголь тоже не давай. Вообще. Табу.
 - Я и не собиралась.
 - Прикольно. Хоть кто-то сегодня не пытается лечить водкой. Возьми на полке пирожок.
- Девчонка на той стороне почти улыбнулась. Даша слышала это по изменившемуся дыханию. Но потом что-то пошло не так.
- Ему хуже? — спросила Даки, прислушиваясь.
 - Да. А что с ним вообще... происходит?

Даки помолчала. Смотрела на часы. Стрелки ползли к трём ночи. Белые ночи в мае уже начинали размывать границы. За окном диспетчерской небо было не чёрным, а тёмно-синим. Густым, как чернила.

- Переработал. Судя по описанию. Сильно.
- Опасно?
- Да.
- И что мне делать?!
- Сидеть рядом. Не давать ему вставать. Не оставлять одного. И ждать. Я сейчас оформлю вызов курьера.

Она произнесла это усталым тоном. Будто речь шла о самой обычной ночной работе. Пусть почувствует, что хоть кто-то знает, что делать.

- Скажи мне ещё раз, — попросила Даки. — Что именно он делал с водой?
 - Я не знаю, как это объяснить.
 - Как умеешь.
 - Ну... Он может адаптироваться к давлению и холоду. Сегодня он работал как бы на глубине. Очень долго. Потом... всё закончилось. Он упал.
 - Понятно.
- Даки еще раз вбила данные в поисковик. Ритмичный, сухой стук. Да как же их занесло-то в Черногорск. Там же нет Ночных. Значит опять, браконьеры. Или дебилы родители. Спрятали. Чтобы был как все.
- Это впервые?

— Вроде да. Я не знаю. Или раньше не настолько.

— Регистрация?

— Что?

Да ешкин ты свет! Что—что?! А-а, все-таки браконьеры.

— Понятно. Кира—да? Вы его девушка?

— Да. А что?!

Даша смотрела в монитор. Пустая графа. Нет никакого Ночного, Ускорого Льва. И не было никогда.

— Хвост есть у него?

— Какой хвост?! Вы в своём уме?! Это что, метафора такая?!

О боже ты мой. Она что, без штанов своего парня и не видела никогда? Даша потёрла переносицу. Да кто их знает, что у них там за отношения такие. Нормальные герои всегда идут в обход. Попробуем по-другому.

— Кир, ну какая метафора. Просто анатомический казус. Ты в курсе, что у пятнадцати процентов обычных мужиков тоже бывает хвостовой рудимент? Копчик там, отросток. Удаляют и всё. А у Ночных он есть. У всех. И мужчин, и женщин. Физически. Кроме оперированных. Ничего мистического, просто физиология. Успокоилась? Тогда слушай внимательно.

Девчонка выдержала и это. Даша слышала, как она сглотнула. И чаще задышала.

— Я слушаю.

— Сейчас его не трогай лишний раз. Одежда оставить. Если проснётся — разговаривай спокойно. Не давай ему вставать, даже если захочет. Не надо проверять, может он ходить или нет. Не может. Ну, придумайте что-нибудь. Горшок. Утку. Бутылку, в крайнем случае.

— Хорошо.

— Питьё — только если он полностью в сознании и нормально глотает. Тёплое, не горячее. Маленькими глотками. Не заставляй. Еду пока не надо. Никаких энергетиков. Алкоголь я уже сказала. У вас сейчас задача не сделать ему тридцать семь любой ценой. Задача — чтобы температура не падала, и он нормально дышал.

— А если будет падать?

— Звонишь мне. Сразу.

Даки услышала тихий стон, со стороны. Видимо, девчонка метнулась к своему Ночному. Вернулась.

— Что-то сказал? — спросила Даки.

— Нет. Просто застонал.

— Хорошо. Пусть лежит.

Даша слышала шорох.

— Он очень холодный.

— Я знаю.

— Ему больно?

Пауза. Нужен осторожный ответ. Даша знала этот тон. Сейчас нет необходимости в правде. Никакой. Не испугать. Ее.

— Скорее всего. Но сейчас важнее другое. Кира, слушай меня. После сильного перерасхода у них бывает не только понижение температуры. Потом может очень резко накрыть по голове. Паника, тоска, полное безразличие. Иногда человек начинает делать глупости.

— Какие?

О, девочка моя. Разные. Очень разные. Тебе не понравится.

— Разные. Вплоть до того, что может решить, что ему больше ничего не нужно.

— То есть...

— Поэтому ты от него не отходишь.

— Я не уйду.

— Хорошо. Ты его девушка, говорю прямо: тактильный контакт желателен. Ну, если нет — за руку держи хотя бы. Разговаривай. Не надо бесконечно спрашивать, что с ним. Просто пусть слушает, что не один. А он слышит тебя. Просто ответить не может. В этой стадии.

Как бы тебе так сказать, что ему ты нужна, как бы вся? Совсем вся?

Даки растрогалась, услышав покаянное признание:

— Я ему парацетамолу дала.

Да моя ты красота. Полечила. Управилась. Даки прикрыла глаза, усмехнулась. В трубке на секунду повисла тишина.

— Ясно. Ну... хуже не будет. Не огорчайся.

— Спасибо.

— Рано спасибо. Я вызов оформляю. Курьер к вам выезжает.

— Скорая?

— Ночная служба.

— В Черногорске?

— Нет. Из ближайшей точки. До вас примерно шесть часов.

Ну, сейчас только шесть часов. Ей покажется эт вечностью. Ого, у нее зубы застучали от ужаса.

— Он столько выдержит?

Даки ответила не сразу. Она смотрела на карту Смоленской области, расчерченную красными и жёлтыми магнитами. Черногорск был далеко. Очень.

— Он уже выдержал много чего за сегодня. Они крепче, чем кажутся.

Ее, наверное, сейчас резануло. «Они». То есть она и Даки — не «они». А Лев — «они». Да. К этому трудно привыкнуть. А придется. Даки продолжала. Размеренно. Спокойно.

— Главное — не оставляй его одного. И не придумывай лечение сама. Просто следи, поддерживай. Сейчас слушай. До приезда курьера ничего геройского не делай. И ещё. Он взрослый. Оперированный. У нас единая сеть. В Базе его данных нет. В Черногорске у нас вообще нет Ночных по регистрации. С водой он работает. Не редко. Правильно? Кир?

— Ну да, — тихо ответила Кира с той стороны.

— А это значит, что лекарства он получал. Через чёрный рынок, скорее всего. И кто-то ему, Кира, помощь оказывал. Причём не один год. Это не очень хорошо. Вернее, совсем не хорошо. С этим нужно будет разобраться. Чуть позднее. А пока учти: без уточнения и регистрации в следующий раз вам могут просто отказать в доставке. А это, понимаешь, вопрос серьёзный.

Трубка вздохнула. Очень печально.

— Даки! Мне страшно. Очень. А сколько ждать?

— Курьер уже оформляется.

— Вы точно приедете? Не обманете? А если он умрёт?

— Курьер выполнит доставку. Не переживай насчёт этого. Через шесть часов.

— Шесть...

— Да. Расстояние большое. Это не телепорт, Кир.

Последние слова прозвучали неожиданно просто. Кира коротко выдохнула.

— Я ему чай давала. С сахаром и лимоном.

— Нормально. Только сейчас не вливай в него литр. По глотку, если проснётся и сможет пить.

— Хорошо.

— И температуру проверяй примерно раз в час. Не каждую минуту.

— Поняла.

— Если начнёт падать ниже — звони. Не геройствуй. Но и не трусь. Не бросай его.

— Не буду.

— Вот и умница.

Потом коротко сказала изменившимся тоном:

— Я — Даки. Позывной: Двадцать четыре. Если что — спрашиваешь: «Даки, двадцать четыре». Кто трубку возьмёт, тот поймёт. Переключат. Или сами ответят. Если что.

— Спасибо.

— Рано. Пока не за что. Курьер выехал. Из пункта А в пункт Б. Выздоровливайте. Не бойся. Держитесь.

Связь прервалась. Короткий гудок.

Даша медленно опустила трубку. Посидела неподвижно. Послушала тишину. В диспетчерской всегда было тихо, если не считать гула старого кондиционера и щелчков реле.

Она посмотрела на Ольгу Орлову. Та сидела за соседним пультом. Перед ней — три монитора, термос с чаем, пачка сигарет. Ольга не курила. Держала для нервов. Или от нервов. К Даки даже не повернула головы.

— Курьер выехал, — оповестила Ольга. Без эмоций. — Из Пскова. Ближайший трансфер.

— Шесть часов, — с сомнением произнесла Даша.

— Учти, дороги там сейчас такие. И ночь.

Даша кивнула. Встала. Ноги были ватными и не хотели разгибаться колени. Адреналин отходил, оставляя после себя привычную, тягучую усталость. Прошла в умывальник. Включила холодную воду. Сунула голову под струю.

Вода была ледяной. Она представила Льва. Трясущегося под одеялами. Киру, которая грела его своим телом. Как туземки охотников в тундре.

Вытерлась бумажным полотенцем. Посмотрела в зеркало. Трещина в стекле пересекала её отражение ровно по губам. Не рассматривала. А вот тёмные круги под глазами стали ещё глубже.

«Даки-уточка, — фыркнула она. — Красотка».

Вышла в коридор. Пахло хлоркой, остывшим кофе и какой-то очередной мерзостью. Препараты для Ночных. Этот запах вьёлся в стены, линолеум и в её кожу. Дневные его почти не чувствовали. Ночные — чувствовали всегда. Могли по запаху идти за ней даже днем.

Глава 2. БАЗА

В дежурке горели две длинные люминесцентные лампы. Одна мигала. Не меняли уже третий год. Говорят, если заменить — начнёт мигать другая. Даша не знала, правда ли это. Или просто никто не хотел лезть на стремянку. Или денег и на лампу не было.

Она налила себе кофе из автомата. Работал, что странно. Автомат ломался с завидным постоянством. Монеты принимал, кофе не давал. Кто-то написал на нём маркером: «Сука ты, как наша зарплата». Надпись не стирали. Даша постучала по корпусу. Аппарат загудел, выплюнул в стаканчик бурой жижи. Она сделала глоток. Горько. Гадко. То, что нужно.

Дверь открылась. Вплыл Вась-Вась. Их царственное величество.

Василий Васильевич. Главврач. За пятьдесят, но выглядел на все шестьдесят. Поджарый, с вечно усталым лицом и блестящими залысинами. В белоснежном халате. Сестра-хозяйка расстаралась. Так и вилась вокруг него, лисица. Так и вилась.

— Дарья, — прорычал он. Голос хриплый, с утра. И личико отекавшее, глазки красненькие. — Как наша Череповецкая бригада?

— В порядке, — доложила Даша. — У них интоксикация пошла. Но вывели.

— Молодцы, — Вась-Вась подошёл к столу, посмотрел в журнал вызовов. Провёл пальцем по строке. — А тут что? Курьер в Черногорск ушёл?

— Да. Глубоководник. Переработал. Температура тридцать пять и четыре.

Вась-Вась покачал головой.

— А там то откуда что взялось? Опять браконьеры?

— Скорее всего. Кто-то ему препараты с чёрного рынка поставлял. Без регистрации. Скорее всего — с детства. Дозировку не рассчитывали. Параметры не выдерживали. Партнерша вообще не в курсе.

— Сволочи, — тихо сказал Вась-Вась. Прозвучало искренне. Никто не любил браконьеров. Не из моральных соображений. Браконьеры портили статистику. Из-за них приходилось писать объяснительные. Ну и иногда из-за них умирали люди, которых ты знал по именам. Как Ночные, так и Обычные. — Ты там, Дарья, курьера проконтролируй. Пусть по пути заедет в Вязьму. Там у нас склад. Пусть возьмёт антикоагулянт. Мало ли.

— Хорошо, Василий Васильевич.

Он кивнул. Поправил халат. Посмотрел на неё. В его взгляде не было осуждения. Только бесконечная, безрадостная усталость.

— Что бы мы без наших делали, Дарья? — тихо пробормотал он, качая головой.

Даша не ответила, знала эту фразу. Он говорил её каждую смену. «Что бы мы без наших делали». Сначала это звучало как похвала. Потом как корпоративный штамп. А сейчас, спустя столько лет работы на Базе, Даша слышала в этом только горечь.

А что бы вы без нас делали, Василий Васильевич? Вы бы просто закрывали дела. Спisyвали бы в архив. Смерть за смертью. И дело закрыто. Статистика.

— Идите отдохните, — предложила она. — Я тут буду.

— Хорошо, — повторил он. — Если что — буди.

Тяжело ступая ушел. Халат цеплялся к дверному косяку.

Даша допила кофе. Выбросила стаканчик. Посмотрела на часы. Половина четвёртого. До конца смены ещё четыре часа.

Она вернулась в диспетчерскую. Ольга даже не подняла глаз.

— Двадцать четыре, на базе, — послала позывной Даша.

— Принято.

Даша уселась в кресле поудобнее. Закрыла глаза. Слушала гул кондиционера и щелчки реле.

Смену она передавала в семь тридцать утра. Белые ночи в мае стирали границу между вечером и рассветом. Небо за окном стало светло-серым, мутным, как разбавленное молоко. Сирень у крепостной стены уже вовсю цвела. Её запах пробивался даже сквозь закрытые окна и запах хлорки. Сладкий, тяжёлый, дурмнящий. Манящий. Кто знает куда.

Дверь распахнулась. Влетел Гоги. Странно. Смена-то не его.

Он был огромным. Два метра роста, широкие плечи, густая чёрная шевелюра. Смуглое лицо, почти чёрные глаза. И челюсть. Дефект с рождения. Нижняя челюсть была чуть смещена, зубы торчали в разные стороны, создавая впечатление, что он постоянно скалится. Обычные дети плакали, когда видели его на улице. Взрослые отводили глаза.

Ночные дети его обожали. У Гоги были самые тёплые и осторожные руки в отделении. Он мог поставить катетер в вену толщиной с волос, и пациент даже не моргнёт.

— Ну, и как там? — спросил он. Голос у него был низкий, басовитый, с лёгким акцентом.

— Нормально, — сказала Даша. Встала. — Курьер в Черногорск ушёл. Глубоководник. Переработал.

Гоги покачал головой.

— Браконьеры? Маму их.

— Похоже на то.

— Твари, — рыкнул он. Точно так же, как Вась-Вась. Но в его голосе было больше злости. Гоги не любил, когда трогали детей. А Ночные, с их уязвимой физиологией, для него всегда оставались детьми. Даже если им было за сорок лет.

— Сам как? — спросила Даша.

Гоги махнул рукой.

— Сюзаночка опять родню пустила. Тётя из Грозного приехала. С детьми. У нас в однушке теперь спят восемь человек. Я на кухне спал. На табуретке. Как кот!

Даша усмехнулась.

— Поехали ко мне. Выспишься.

— А ты не против?

— Гоги, мы это обсуждаем каждый вторник. Поехали.

Они вышли из Базы. Утро было тёплым. Воздух стоял неподвижный, еще чистый. Асфальт на парковке уже начал нагреваться.

Даша шла рядом с Гоги. Он шагал широко. Она семенила, чтобы поспевать. Они не разговаривали. Им и не нужно было. Работали вместе три года. Знали друг о друге всё. Гоги знал, что Даша не любит, когда на неё смотрят днём. Даша знала, что Гоги отрицает темноту и всегда спит с включенным ночником. В темноте боится задохнуться. Какая связь? Раз говорил, значит была.

Они дошли до её дома. Пятиэтажка, третий этаж. Подъезд пах кошачьей мочой и старым табаком. Лифт не работал. Поднялись пешком.

В квартире было тихо и душно. Даша открыла окно,пустила сирень.

— Чай будешь? — спросила она. — Еще бублики есть. Черствые.

— Буду, — сразу согласился Гоги. Сел на возмущенно скрипнувший диван. Гоги весил под сто тридцать килограмм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.